

Посвящается маме

1

Роу

Я чувствовала себя смелой, выбирая университет Макконнелла. Приняла решение в один из тех дней, когда все вокруг давит и душит. Взгляд тогда сам собой зацепился за университетский буклет.

Два года на домашнем обучении с женщиной, преподающей экономику в государственном университете, любого бы подготовили к блестящей сдаче выпускных экзаменов. Тест попался простейший. Я быстро расправилась с ним и даже не стала тратить время на проверку, что советуют делать все учебники. Сдала выполненный тест присутствующему на экзамене наблюдателю и сразу покинула кабинет. Три недели спустя в почтовый ящик — *a 2390* — пришел ответ. Почти идеальный балл. Сулящий стипендию. А с ней и возможности.

Несколько месяцев я отвергала мысль об отъезде. Я не готова к выходу в люди, к тому, чтобы быть сама по себе. И вряд ли когда-нибудь буду готова. К тому же за два года на домашнем обучении я отвыкла от социума. А универ — это сплошное взаимодействие с людьми.

Родители настаивали на обучении вне дома. Мне казалось, они блефуют и никак не ждут, что я выберу университет в тысячах миль от дома. Казалось, они пойдут на попятный, когда я положу перед ними на стол документы о принятии меня в университет Макконнелла. Я ошибалась.

Папа улыбнулся и посмотрел на маму. Оба глубоко вздохнули, готовые к моему первому шагу вперед. В отличие от меня самой. Я все еще к нему не готова. Даже близко нет. Хотя отчаянно этого хочу. Последние семьсот дней своей жизни я провела, наблюдая за жизнью других из-под колпака, в который добровольно себя заключила. Мой самый большой роман — влюбленная парочка на одном из телевизионных шоу; единственный посещенный мною выпускной бал — киношный. Я словно вечно веду борьбу сама с собой: сердце жаждет биться от волнения и драйва, но поймано в тиски страха.

Несмотря на это, я все же оказалась здесь, с картой в руках, указывающей, как найти мою комнату в общежитии Хайден Холл студенческого кампуса университета Макконнелла. Родители привезли меня сюда на машине. Пятнадцать часов пути из Аризоны в Оклахому, без остановок. Папа, видно, боялся, что я дам задний ход. Я, кстати, думала об этом. И чуть не сломалась на автозаправке в Нью-Мексико, прорывавшись в туалете. Однако, как бы сильно я ни страшилась покинуть безопасность дома, еще сильнее пугало будущее, ждущее меня, если я останусь.

Я медленно умирала там. Ну, может, и не умирала, конечно, но и не *жила*. Уныло влачила свое существование день за днем, в повседневной рутине. Да и о какой жизни могла идти речь? Жить не давало переполнявшее меня чувство вины.

Сейчас, стоя здесь, сжимая ручку гигантского чемодана на колесиках, я усомнилась в правильности своего решения.

— Роу, милая... мы уже близко? С меня семь потов сошло. Здесь ужасная влажность, — стонет мама, обмахивая лицо одной из программ, врученных нам на ознакомительной беседе.

Будучи родом из Аризоны, я думала, что жара — не проблема, но, похоже, настоящей влажности я знать не знала. Моя майка прилипла к спине, у папы, идущего впереди с че-

моданом, футболку хоть отжимай. Я бы смутилась, если бы в кампусе так не выглядели абсолютно все. Мы словно из игры «Последний герой».

Увидев наконец указатель «Хайден Холл», поворачиваюсь с улыбкой к маме и киваю в его сторону.

— Слава богу! — чересчур мелодраматично восклицает она.

Ничего на это не отвечаю. Меньше чем через час Том и Карен Стэнтоны уедут, а я останусь в полном одиночестве. Поэтому, как бы ни закатывала я на маму глаза последние два года, сейчас ловлю ее слова и движения, в ужасе от того, как буду справляться без нее.

Мы поднимаемся в маленьком лифте на третий этаж, в коридоре поворачиваем направо и находим мою комнату в самом конце: 3–33. Помнится, получив по имейлу документы с данными по размещению в общежитии, я подумала: счастливое число, повезло! Сейчас я себя везучей не ощущаю.

Дверь приоткрыта. Видно, что две кровати из трех уже заняты. Свободной осталась ближайшая к двери — выбора у меня, получается, нет. Я меняюсь в лице, и мама сразу это замечает.

— Если кровати можно переставлять, сдвинь свою ближе к углу, — советует она, мягко сжав мое плечо, и ставит один из чемоданов у стены возле постели, которая следующие восемь с половиной месяцев будет моим спальным местом.

Я лишь киваю. Папа вносит в комнату остальные пожитки и кладет чемодан на кровать, чтобы я начала распаковываться. Я взяла с собой все свои вещи. С мыслью, что если окружу себя ими, то смогу здесь снова, как дома, спрятаться под колпаком, лишь изредка высовывая нос из комнаты.

— Я ее еще не видела. Боже, надеюсь, она не стерва! — И в комнату заходят две блондинки.

Мама тихо кашляет, привлекая их внимание, и, когда они поднимают взгляды, одна из них смущенно краснеет — к сожа-

лению, не та, которая громогласно выразила надежду на то, чтобы я не оказалась «стервой».

— О, ты уже здесь! Хорошо, — говорит беспардонная блондинка. И, подойдя ко мне, протягивает руку с таким видом, словно приветствует меня в *своем* доме.

Что-то не нравится мне такое начало.

— Привет, я Роу, — отвечаю едва слышно. Я редко говорю, поэтому временами голосовые связки плохо слушаются, но девочка явно услышала меня, и оттого последовавшая реакция вдвойне оскорбительна.

— Прости, как? Роуз? — громко переспрашивает она, скривившись так, будто я скормила ей несвежую брокколи. Сама деликатность.

— Роу, — повторяю я.

Блондинка продолжает молча пялиться на меня.

— Ро-у, — произношу отдельно, как для тупой.

— Оу. Мило. — Она отворачивается к своей кровати, заваленной грудой одежды. — Я — Пейдж, а это — Кэссиди.

— Кэсс, — вклинивается та, недовольно поджав губы и качая головой. Она машет на Пейдж рукой, словно говоря мне: не обращай на нее внимания.

Без проблем. И Пейдж, и эта комната уже занесены мной в категорию «как бы побыстрее отсюда убраться».

— Зови меня Кэсс, мне так больше нравится. Мы с Пейдж рады познакомиться с тобой.

Пейдж даже не слушает ее, заинтересовавшись пришедшим на мобильный сообщением. Мы находимся в общежитии для первокурсников, но Пейдж выглядит взрослее. Высокая, фигуристая, с кожей теплого бронзового оттенка. Такими мне рисуются пляжные девушки-спасатели во Флориде. Ее длинные светлые волосы подстрижены каскадом, из прически — золотым

ореолом обрамляющей лицо с кристально-голубыми глазами — не выбивается ни единой прядки.

Кэсс тоже блондинка, но ее внешность более естественная. Волосы собраны в хвост. Легкий макияж подразмылся от влажности.

Я здесь явно буду выступать в роли никуда не вписывающейся чудачки с заскоками. Если честно, вполне ожидаемо. Два года назад я была обречена нигде больше не прижиться, точно пострадавший от криптонита¹ супергерой. Кареглазая, не накрашенная, с завязанными в пучок волосами орехового цвета, все еще пушущимися после принятого почти день назад душа, в простенькой майке и джинсовых шортах, я лишь сильнее выделяюсь на фоне остальных.

— Мы с Пейдж приехали вчера. Ну и выбрали себе кровати. Надеюсь, ты не против? — спрашивает Кэсс, садясь на свою постель — слава богу, ближайшую к моей.

— Нет, конечно. Меня любая устроит, — отвечаю я, зная, что маму порадует моя покладистость. Схожу к дежурному, как только уйдут родители. Черт, только бы в кампусе нашлась хоть одна свободная кровать, не стоящая в двух шагах от двери.

* * *

Родители помогли мне распаковать вещи, перебрались парой слов с Кэсс и спустя час ушли. Я не смогла скрыть навернувшиеся на глаза слезы, когда мама обняла меня на прощание, а папа просто помахал от двери: понимал, что из них двоих он мягкосердечнее и уступит, если я попрошу его забрать меня домой.

На этом расстройстве не закончились. Дежурная сказала, что комнаты в кампусе забиты до отказа, и посоветовала подойти

¹ Фантастическое радиоактивное вещество. «Ахиллесова пята» суперменов. (Здесь и далее прим. перев.)

к ней попозже, когда суматоха уляжется и часть студентов переедет в «греческие» корпуса¹. Где-то через месяц. Месяц — это терпимо, я выдержу. Или нет?

Пейдж, слава богу, исчезла сразу после нашего знакомства. Мне нужно время, чтобы к ней привыкнуть. Кэсс, к счастью, тоже занималась обустройством в комнате, поэтому я заткнула уши наушниками и отрешилась от любых внешних звуков.

Наверное, я весь вечер провела бы за разбором одежды и фотографий, если бы Кэсс не замахала оживленно руками, указывая на свои уши и что-то говоря. Сдавшись, я вынула наушники.

— Прости, громковато включила.

— Это точно. Но музыка у тебя что надо!

Мне нравится Кэсс. У нее искренняя улыбка, и она напоминает мне моих бывших подружек из Холлмен-Хай. К тому же она оценила крутость Broken Bells и Джека Уайта. Уверена, Пейдж предпочитает слушать кого-то вроде Кэти Перри.

— Спасибо. — Чем бы ответить на комплимент? Я пробегаюсь взглядом по вещам Кэсси. — Красивое одеяло.

Это, вероятно, самое заурядное стеганое одеяло на свете. Серое, с биркой и даже не ручной работы. Чувствую себя глупо, но у Кэсс не обидный смех, и я смеюсь вместе с ней. Впервые за два года я снова ощущаю себя подростком — обычным подростком, не слышащим во снах крики и не просыпающимся от кошмаров.

Я обращаю внимание на то, что большинство людей не замечают. На Кэсс, к примеру, фиолетовая футболка с V-образным вырезом и белые шорты с отворотом. На ногтях синий, слегка облупившийся лак. На правой лодыжке веревочный браслет с темно-синими бусинами. Подобные детали мое сознание от-

¹ Большинство студентов, которые входят в братства или сестричества, живут вместе в одном корпусе или доме, которые называют «греческими», поскольку братства и сестричества обозначаются греческими буквами. Время, проведенное в них, называют «греческой жизнью».

мечает с того самого дня, как весь мой мир рухнул. Словно пытается искупить вину за то, что засбоило в самый необходимый момент.

— Нравится?

Не сразу понимаю, о чем спрашивает Кэсс, но спустя минуту до меня доходит, что я уже некоторое время стою, уставившись на ее браслет.

— Да, извини. Засмотрелась на бусины. Они очень красивые. — Надеюсь, Кэсс не подумала, что у меня какой-нибудь фетиш ног.

— Спасибо. У моей мамы магазин бусин, поэтому я уже сделала тонну таких штучек. Могу и тебе сделать. Хочешь?

Для нее это, возможно, маленький и незначительный жест, но мне очень приятно. Улыбнувшись, кивком принимаю предложение. Внутри разливается радостное волнение. Я каким-то образом совершила невозможное. Сама себе доказала, что была не права. Я каким-то образом... нашла друга.

2

Рoу

Поздним вечером в душевых темно. Горят лишь несколько панельных ламп, чтобы студенты не заплутали во тьме. Сокращение энергопотребления ради экологии и все такое. На ночь глядя обычно мыться не ходят, просто я предпочитаю ни с кем не сталкиваться. В коридоре свет тусклый, но если использовать ближайшую к двери кабинку, то его вполне достаточно. Сильнее всего я переживала именно из-за мытья в общих душевых. Большинство девчонок, скорее всего, принимают душ утром, поэтому я собираюсь мыться поздно вечером, в темноте.

Кэсс и Пейдж пошли развлекаться. Кэсс пыталась вытянуть и меня, но я убедила ее, что слишком устала после дальней дороги. В общежитие пока заселились не все, но приехала большая часть первокурсников, и в студенческих квартирах на окраине города устраивают вечеринки. Я к тусовкам не готова.

Довольно быстро пошла теплая вода. Еще раз осмотревшись и выглянув за дверь, решаюсь раздеться. Кабинок здесь мало. В основном душевые перегородками не разделены. Не представляю, как прохаживалась бы тут при всех голышом. Даже если бы мою кожу не усеивали шрамы, я не из тех, кто может запросто демонстрировать свои прелести.

Аккуратно складываю одежду на маленькой скамейке возле перегородки, захожу в кабинку и задергиваю шторку. Сердце так

бешено колотится, что приходится сделать долгий и глубокий вдох для того, чтобы успокоиться. Уже скучаю по своей душевой в родительской ванне, находящейся за двумя закрытыми дверями, по гудению фена, который не давал погрузиться в мысли. Здесь тихо. Я быстро мою волосы шампунем и кондиционером, спешно размазываю по коже гель. Ополоснувшись, выключаю воду и обматываюсь полотенцем.

Тут же натягиваю через голову футболку, в которой сплю, роняю полотенце и надеваю трусики. И только тогда замечаю звук льющейся воды. Я тут не одна? От этой мысли накрывает паникой. Кружится голова. Я опускаюсь на скамейку, прижав к груди грязную одежду с полотенцем, и, наклонившись вперед, шарю взглядом по низу кабинок в поисках чужих ног.

Никого нет. Несколько секунд спустя звук льющейся воды смолкает. Наверное, он доносился сверху. Я натягиваю хлопковые шорты и, сунув ноги в шлепанцы, выхожу в коридор.

— Вечер добрый, — раздается рядом.

Перепугавшись, роняю вещи и вжимаюсь спиной в стену. Наверное, смахиваю на уголовника из черно-белого кино, который при попытке побега пытается скрыться от света прожекторов.

— Прости, не хотел тебя напугать. Подумал, что если ничего не скажу и ты внезапно увидишь меня в темноте, то испугаешься еще сильнее.

Парень собирает мои вещи, и я успокаиваюсь достаточно, чтобы осознать: он взял мои трусы. О боже! Хватаю у него из рук свое добро, наши руки путаются, и, запаниковав еще сильнее, я снова все роняю.

— Я так сильно тебя напугал? — тихо смеется парень.

В голове только одна мысль: собрать все скорее и уйти в свою комнату.

— Эй, ты в порядке?